

Карл Каутскій и русская революція

16 окт. в Голландіи умер 84 лѣтъ патріарх международнаго социализма, его нынѣшній самый авторитетный теоретик и самый блестящій популяризатор—К. Каутскій. Послѣ смерти Ф. Энгельса руководящая роль в социалистической теоріи и практикѣ перешла к К. Каутскому и в теченіе шестидесяти лѣтъ он были и избранным, и призванным авторитетом в области и социалистической мысли, и социалистической дѣятельности. Послѣ кратковременных увлеченій в молодости анархизмом, К. Каутскій с 1880 г. окончательно вступает в ряды марксизма и остается ему вѣрен до самой своей смерти. С 1883 по 1917 г., т. е. в теченіе 34 лѣтъ, он был редактором извѣстнаго теоретическаго и политическаго органа нѣмецкой социалдемократіи «Neue Zeit», сыгравшаго огромную роль в исторіи социалистической мысли. Им составлена «Эрфуртская программа», которая десятки лѣтъ служила руководством для социалистической работы. Им опубликовано безчисленное количество статей, брошюр и об'емистых книг, посвященных исторіи, политикѣ, экономикѣ, социологіи. Цѣлыя поколѣнія обучались социализму и в Германіи, и в значительной степени и в Россіи «по Каутскому».

К Россіи К. Каутскій всегда обнаруживал самый глубокій и живой интерес, внимательно слѣдя за ея экономическим и политическим развитіем и находясь в постоянном личном общеніи со многими виднѣйшими русскими социалистами. В его маленьком уютном домикѣ в Фриденау, около Берлина, перебивали многіе русскіе социалисты, всегда встрѣчавшіеся гостепріимным «Карлом Ивановичем» тѣми немногими русскими словами привѣта, которыя он знал.

В тихій домикъ Каутскаго шумно и бурно врывались русскія политическія разногласія. Каутскому пришлось выступать как бы супер арбитром в спорах между русскими социалистами и по политическим и даже по денежным вопросам.

Русскому политическому раскрѣпощенію Каутскій придавал огромное значеніе не только для самой Россіи, но и для всего куль-

турного міра. Первой русской революціи (1905 г.) он посвящает ряд статей, причем он склонен был тогда ждать от этой революціи новаго слова не только для Россіи, но и для Европы. То обстоятельство, что в русской первой революціи, которая по марксистскому историческому сценарію должна была быть буржуазной, на первых революціонных ролях выступала не буржуазія, как это в свое время было на Западѣ, а крестьяне и рабочіе, руководимые социалистическими партіями, заставляло Каутскаго предполагать, что русская революція перешагнет, в области социальных требованій, далеко за границы, проведенныя буржуазіей.

На один историческій момент, в 1905-м г., Каутскій был смущен и соблазнен русским «чародѣйством красных вымыслов» и повѣрил, что социалистическій свѣтъ идет теперь с русскаго востока.

Это нѣсколько сблизило тогдашнюю позицію Каутскаго с тогдашней позиціей Ленина, который хотя и об'являл тогда беспощадную борьбу буржуазіи, но в то же время считал, что происходящая в Россіи буржуазная революція, чтобы добиться возможно больших успѣхов, должна опираться не на буржуазію, а на рабочих и на алчущее земли крестьянство. К. Каутскій пишет в это время ряд статей, которыя заставляют большевиков с извѣстными оговорками счесть его своим, поставить его в примѣр Плеханову и восторженно превозносить, как авторитетнѣйшаго и вѣрнѣйшаго марксиста.

Упомянем хотя бы нашумѣвшую в то время и вызвавшую острые споры в русском социалистическом мірѣ статью К. Каутскаго «Движуція силы и перспективы русской революціи», напечатанную в «Neue Zeit», гдѣ он проводил ту мысль, что о социалистической революціи и диктатурѣ пролетаріата в Россіи не может быть и рѣчи, но вмѣстѣ с тѣм и «буржуазія не принадлежит к движущим силам современнаго революціоннаго движенія в Россіи». «Там, гдѣ пролетаріат выступает самостоятельно, буржуазія перестает быть революціонным классом», и, поэтому, надо выдвинуть самую революціонную социальную программу, опираясь на крестьянство.

Ленин поспѣшил издать эту статью Каутскаго на русском языкѣ и предпослал ей предисловіе, в котором превозносит Каутскаго выше облака ходячаго. Но ход и исход первой русской революціи и авантюристическое поведеніе в ней большевиков. отрезвили Ка-

утскаго, и он все больше и прочтѣе начинает переходить на позиціи реалистическаго социализма.

Когда разразилась февральская революція, К. Каутскій встрѣтил ее горячим привѣтом, но когда большевики разогнали учредительное собраніе и захватили власть, Каутскій, в отличіе от многих других видных социалистов Запада, объявил им беспощадную борьбу и поставил своей цѣлью за социалистическою личиною показать их подлинное контр-революціонное — как он писал с самаго начала — лицо. Жозеф де Местр когда-то пророчески предвидѣл возможность появленія в Россіи «Пугачева с университетским образованіем». Вот наличие этого пугачевского элемента, который в своем развитіи должен вызвать контр-революцію, К. Каутскій с самаго начала зорко разглядѣл в октябрьской революціи и в программѣ Ленина.

Уже в 1918 г. он выпускает книжку «Die Diktatur des Proletariats», а в слѣдующем году «Demokratie oder Diktatur». В 1920 году выходит его книжка «Terrorismus und Kommunismus», а в слѣдующем году «Vonder Demokratie zur Staatsklaverei». Всѣ эти книжки, посвященныя октябрьской революціи и написанныя по ея горячим слѣдам, проникнуты рѣзко отрицательным отношеніем к большевизму и призывом к борьбѣ с ним во имя демократіи, свободы человѣка и протеста против насаждаемаго большевиками «государственнаго рабства». Уже в этих первых своих работах о большевистской революціи Каутскій проводит ту идею, которую он впоследствии блестяще развил — идею о контр-революціонных и бонапартистских ядах, которые большевизм неизбежно выдѣляет и которые все больше его отравляют.

Само собой разумѣется, что это выступленіе Каутскаго вызывает против него большевистскіе гром и молнію. Ленин, называвшій Каутскаго во время первой революціи величайшим авторитетом социализма и глубочайшим знатоком марксизма, теперь выпускает книжку: «Пролетарская революція и ренегат Каутскій» (1918), в которой, со страстностью протопопа Аввакума, отлучает Каутскаго от марксистской церкви, объявляет его неучем, «лакеем буржуазіи», «Идушкой Головлевым» и т. д. Ему вторит Троцкій, объявившій, что «русская революція окончательно убила Каутскаго».

Мы не будем останавливаться на той цѣлебной грязи, которой с тѣх пор непрерывно обливали Каутскаго русскіе большеви-

ки. Нам нужно было это отмѣтить лишь для характеристики той непримиримой и боевой позиціи, которую Каутскій занял по отношенію къ октябрьской революціи. Дальнѣйшая эволюція большевизма, конечно, не только не заставила Каутскаго измѣнить эту позицію, но, наоборот, укрѣпила его в ней, и он до самаго послѣдняго времени продолжал свою блестящую политическую кампанію, разойдясь по этому вопросу со многими своими близкими товарищами по партіи.

Уже в книжкѣ «Von der Demokratie zur Staatsklaverei» (1921 г.) Каутскій доказываетъ, что чисто экономическіе успѣхи большевиков могут быть достигнуты только цѣной порабощенія и жестокой эксплуатаціи всего населенія, в том числѣ и рабочих. Он сомнѣвается и в том, чтобы большевистская экономика могла когда-либо стать нормальной, рациональной. Он проницательно предвидит, что совѣтское правительство создаст быстро разрастающійся «невѣроятный бюрократическій полип», который глубоко вѣстся в хозяйственный организм страны и будет его истощать. Он предвидит, что совѣтское правительство должно будет создать огромную полицейскую армію, чтобы держать страну в повиновеніи, и, наконец, он считает, что и с чисто экономической стороны совѣтскій хозяйственный механизм потребует для преодоленія его инерціи и тренія таких сил и средств, при которых он не может быть прибыльным.

Но с особой рѣзкостью Каутскій уже тогда возставал против стремленія большевизма именем социализма проводить закрѣпощеніе государству человѣческой личности. Он закончил эту книжку словами — «большевизм останется темным пятном в исторіи социализма».

Заняв такую позицію в самом началѣ большевизма, Каутскій остается ей вѣрен и во всѣх своих многочисленных дальнѣйшихъ статьяхъ. Его не пугали страхи многих социалистов, что на смѣну большевизму может придти бонапартизмъ. «Это было-бы — пишетъ послѣдствіи Каутскій, вызвавъ взрывъ негодованія и площадной брани в большевистскихъ кругахъ, — колоссальным шагом вперед, если бы Совѣтская Россія оказалась в положеніи подобномъ Франціи под бонапартизмомъ. Совѣтскій режим по сравненію с ним стоит на муюго низшемъ уровнѣ. Русскій народ мог бы почестъ себя счастливымъ, если бы совѣтская диктатура смѣнилась режимомъ Наполеона III-го».

Вновь и вновь Каутскій в позднѣйшихъ статьяхъ возвращается къ этой темѣ и горячо доказываетъ, что отлiчiе отъ бонапартизма, прежде всего, в том, что большевизмъ гораздо зловреднѣе и контр-революционнѣе, чѣмъ бонапартизмъ. Бонапартизмъ былъ лишь политически контр-революционенъ, онъ устранилъ демократiю, онъ связалъ свободу политическихъ проявленiй массъ силой своей армiи къ полицiи. Но на экономическiя основы, созданныя революцiей, онъ не посягалъ, почему и могъ при немъ дойти до полнаго расцвѣта той хозяйственный подъемъ Францiи, который былъ подготовленъ революцiей, и это обстоятельство помогло многимъ легче перенести утрату политической свободы. Другое дѣло большевизмъ, приведшiй къ утратѣ не только политическихъ, но и экономическихъ завоеванiй революцiи, поработившiй профессиональные союзы и фабричныя заводскiе совѣты, взявшiй весь аппаратъ производства въ желѣзные тиски бюрократiи, столь же бездарной, сколь и испорченной и самодурной, и тѣмъ обрѣкшей его на полнѣйшую несостоятельность».

«Францiя, благодаря революцiи и несмотря на бонапартизмъ, стала богатой даже и в эпоху постоянныхъ войн. Россiя же, благодаря, такъ называемой, коммунистической революцiи, за десятилѣтiе ничѣмъ не нарушимого мира доведена до положенiя крайней нищеты и постоянно грозящаго голода». «Суб'ективно большевики могутъ быть революционны, но об'ективно большевизмъ контр-революционенъ насквозь». «Большевики были уже с первыхъ своихъ шаговъ отчасти революционны, отчасти контр-революционны. В дальнѣйшемъ эта контр-революционность все больше брала перевѣсъ. Большевики отбiвляли одно завоеванiе революцiи за другимъ, сначала лишь для представителей независимой интеллигенцiи, а потомъ все больше и больше и для крестьянъ, и для рабочихъ. В концѣ концовъ, большевистскiй режимъ сталъ контр-революционнымъ даже и по отношенiю къ тѣмъ коммунистамъ, которые не склоняли безропотно головы передъ кремлевскимъ халифомъ, владыкой надъ всѣми правовѣрными коммунистами. Теперь они упразднили даже и величайшее изъ завоеванiй революцiи — свободу для крестьянства в распоряженiи его земель, большевики стремятся дальше ввести для рабочихъ крѣпостное положенiе и рабочую повинность и это не на исключительное военное время, а в перiодъ полнѣйшаго мира».

И какъ общiй выводъ: «Моя фантазiя отказывается представить себѣ что-либо болѣе страшное, чѣмъ теперешнее состоянiе Россiи».

В книжкѣ «Большевизм в тупикѣ» (1930 г.) 76-лѣтній Каутскій горячо доказываетъ, что большевизм чѣм дальше, тѣм больше самоотравляется контр - революціонными ядами, поэтому нелогично ждать, пока он сам выздоровѣет. Переходя от діагноза к прогнозу, Каутскій, как, впрочем, и всѣ в этой области, сразу попадает в мір спорнаго и гадательнаго. Он считаетъ мирное демократическое перерожденіе большевизма «наименѣе вѣроятной возможностью». Не вѣритъ и в то, что Россія смѣнитъ большевистскую диктатуру на иную. Он не видитъ соціальныхъ элементовъ, из которыхъ эта иная диктатура сложится. Наиболѣе вѣроятнымъ ему кажется крестьянское возстаніе, которое и смететъ большевизм. Отвѣчая на возраженія, что это крестьянское возстаніе едва-ли при совѣтскихъ условіяхъ технически возможно, да и политически вряд-ли желательно, так как оно вновь ввергнетъ страну в хаос и смететъ вмѣстѣ с большевизмом и всѣ здоровыя завоеванія революціи, Каутскій доказываетъ, что мы не знаемъ о тѣхъ творческихъ силахъ, которыя подспудомъ созрѣли в русскомъ крестьянствѣ и, если крестьянское возстаніе вначалѣ и можетъ вызвать хаосъ, то скоро здоровыя силы возьмутъ верхъ, и Россія из этого новаго потрясенія выйдетъ здоровой демократической страной.

В чемъ Каутскій безусловно и горько ошибся — это в увѣренности, что явленія, созданныя большевизмом, возможны только в Россіи, вслѣдствіе ея экономической и культурной отсталости, вслѣдствіе ея тяжелаго историческаго наслѣдства. В западной Европѣ «ничего подобнаго» быть не можетъ, — рабочее населеніе этого никогда бы не допустило. Увы, К. Каутскому пришлось дожить до торжества гитлеризма и в Германіи, и в Австріи, дожить до полнаго разгрома тамъ соціалистическаго движенія, до появленія большевизма в Германіи лишь в иномъ, гитлеровскомъ воплощеніи. И, при этомъ, большевизмъ в Россіи встрѣтилъ несравненно болѣе сильное и длительное сопротивленіе, чѣмъ гитлеризмъ в Германіи.

Но эти страшныя сюрпризы исторіи, тяжелыя испытанія, выпавшія на долю Каутскаго (онъ долженъ былъ в послѣднюю минуту сбѣжать из Австріи, и два его сына были тамъ захвачены и посажены в самый страшный изъ концентраціонныхъ лагерей), не сломили его вѣры в конечное торжество демократіи. В отвѣтъ на призывъ, присланное ему русскими соціал - демократами по поводу 80-лѣтія. К. Каутскій писалъ:

«Как раз во время празднованія моего 80-лѣтня, Отто Бауэр обвинил меня в том, что раньше я стоял на лѣвом флангѣ, а теперь стою на правом. Но в вопросах, которые выдвигаются нынѣ на первый план, я всегда, с тѣх пор как стал марксистом, стоял на одной и той же точкѣ зрѣнія, а именно: на точкѣ зрѣнія парламентской демократіи, ибо иного вида демократіи в современном государствѣ быть не может. И когда в нашей партіи лѣвое крыло нападало на парламентскую демократію, я всегда становился на право от него. Это отнюдь не явленіе, связанное со старостью». «И только послѣдовательно, если и теперь, когда лѣвое крыло снова объявляет демократію пережившей себя, я стою направо от него. Идет ли рѣчь об анархизмѣ или диктатурѣ, о Бакунинѣ или Ленинѣ, — это в данном случаѣ не играет для меня никакой роли».

И совсѣм незадолго до своей смерти, уже дрожащей старческой рукой пишет своему русскому другу письмо, в котором, не смотря на все, горячо защищает идею демократіи.

Каутскій доживал свою жизнь на развалинах того германскаго и австрійскаго соціалистическаго движенія, которое всю жизнь строил с таким умом и таким сердцем. В Германіи, гдѣ прошла вся его многолѣтняя дѣятельность, в Австріи, гдѣ он жил в послѣдніе годы, гдѣ на его глазах произошел разгром рабочаго движенія, откуда он должен был бѣжать перед приходом Гитлера и гдѣ мучаются в концентраціонном лагерѣ его два сына, в родной Чехословакіи (Каутскій по происхожденію чех) — вездѣ восторжествовала грубая сила и безпредѣльное насиліе. Но вопреки этому, Каутскій не сомнѣвался в побѣдѣ демократическаго соціализма, под знаменем котораго он всю свою славную и долгую жизнь сражался и с вѣрой в который он закрыл свои старые, уставшие глаза.

П. Берлин